

ИЗГНАННИКИ творчества ради

КАТЕГОРИЯ творчества непременно соседствует с понятием самовыражения. Последнее же - особенно на ранних этапах своего проявления - периодически сталкивается с непониманием. А то и нетерпимостью рождает. Нетерпимое отношение к себе пережить можно - не столь уж и страшно, коли вооружиться смирением и осознанием собственного места в жизни. Гораздо страшнее, когда нетерпимость, невежество и нежелание воспринимать отличающегося от тебя человека становятся повсеместным, возводятся в ранг государственной идеологии. В нашей прекрасной стране с отвратительным государством, в котором личность скорее с острасткой читается, нежели уважается, людей с собственным мнением вообще и творческим в частности чаще кнутом охаживают, а не пряником потчуют. К хлысту привыкают, под удары подлаживаются... Но когда государство на разбитом своем бездорожье устраивает очередные идеологические бега с препятствиями в виде «отживающих» формаций, в таких выкрутасах вышвыривает и за обочины. «Кем-то» у нас можно назвать тысячи, сотни тысяч талантов. Цвет нации.

Так, государство диктатуры (якобы) пролетариата за обочины страны смогло выдавить Бунина и Бердяева, Рахманинова и Репина, Шалыпина и Набокова... В перестраиваемой государственной машине их отнесли к невостребованным частям. Лишним и даже вредным. И был великий исход - изгнания, скитания, чужбинные скорби.

А было и так, что тяжелейшие горести приносило, наоборот, решение остаться. Впрочем, такого вопроса - остаться или уехать? - похоже, у основательницы первого в мире детского театра, Наталии Ильиничны Сац, даже не возникало. Возможность найти себя и раствориться в любимом творчестве первоначально ей как раз и предоставила та пресловутая смена формации...

ОНА РОДИЛАСЬ в семье композитора Художественного театра и потому сызмальства была знакома с Сулержицким, Станиславским, Немировичем, Качаловым, Вахтанговым, Завадским, Рахманиновым.

началу Германской кампании учредила там «Современный» или «Мамондовский» театр миниатюр - блистала у нее «королева танго» Эльза Крюгер, но и это детище везением не искрилось. И вот в 1918-м здесь появился «первый детский», объединивший театры марионеток, петрушек и теней. С помощью композитора А. Александрова, художников Фаворского и Павлинова юная Н. Сац представляла басни Крылова, «Давид и Голиаф», «Принцесса на горошине», «Мужичок с ноготок», на второй год жизни репертуарная часть театра расширилась до балетных постановок, а сам коллектив (не без помощи бывавшего на спектаклях Луначарского) вскоре преобразовали в «государственный».

Премьерой «показательного государственно-го» стал «Маугли» с юным и необычайно популярным Ильинским в роли Медведя, а также Бабановой и Гаркави. Между тем, пока помещение в Мамондовском присматривалось, никто на него не претендовал - разруха, дореволюционная бесславица. Но как только Наталии Ильиничне удалось развалины подлатать, отопить и оживить, начались собственнические интриги. Пришлось - не без преодоления опять же мириад препон - перебраться за угол, на Тверскую, под крышу законченного кинематографа «Арс» и там начинать работу Московского театра для детей. 1-й детский остался в Мамондовском и к 1927, с реконструкцией зала и установкой балкона, количество мест увеличили в нем до 850.

В том же году свой дом на Никольской обрело и третье детское содружество - Театр юного зрителя, тремя годами ранее организованный как передвижной. В 1937-м, когда руководившую перебрывшимся на Театральную площадь Детским театром Сац репрессировали, ТЮЗ переехал на Тверскую, а в 41-м его слили с 1-м детским и

еврейского происхождения с французским гражданством.

Его отец, человек немногословный и мягкий, работал грузчиком и всего более тревожился о положении семейства. Мать, женщина властная и предприимчивая, взятой (а евреев в городские гимназии не брали) определила сына к учебе и

Наталия Сац. 1918г.

даже открыла свой магазинчик с неграмотной вывеской «Ляфка» - она, как родственники и беднота родной Покровской улицы, впоследствии пройдет через вымысел Шагала и запечатлится в красках. Собственно, и декорация задника «Снов» запечатлела раскиданные по сторонам уличной осы криквенные витебские халупы. Между тем боготворимый город к Шагалу относился с непониманием: так, на половинки родными сестрами были пущены первые картины художника. Да и учеба давалась тяжело: он заикался и замыкался перед строгими учителями, был слаб в точных науках и не сумел, вследствие насаждаемого там академизма, завершить курсы в местной школе живописи. Его принял Петербург, школа общества поощрения художеств, ходайство скульптора Инсбурга и стипендия Гинзбурга - барона. Случились и уроки у Бакста - с Нежинским и дочерью Толстого, случившись покровительство депутата Винавера и поездка в Париж. А там - житье в богемном «Улье», знакомства с художниками и поэтами, первые признания. Потом - вновь Витебск, свадьба со ставшей музой Беллой Розенфельд. Родители ее имели ювелирные магазины, а сама она закончила курсы Герье в Москве и, поступив в одну из студий Станиславского, мечтала о сцене. Вместо того - безденежный муж, отъезд в Петроград и... изменившая все революция. Шагала приняли в круг видных представителей новой культуры, а знавший его по Парижу Луначарский дал портфель комиссара Витебского губотдела образования и задание открыть в губернском центре народную художественную школу.

Задание-то Марк Захарович выполнит и даже призовет к работе в школе Добужинского, Фалька, Татлина, Малевича, но именно амбиции и бунт последнего отшвырнут неудачливого директора в Москве. В первопрестольной Шагала пытался сотрудничать с Вахтанговым, оформлял постановки камерного еврейского театра и обучал рисованию питомцев Малаховской детской колонии имени III Интернационала. А средств нет - его обманывают, за работу не платят. В Европе же - он это знает - его полотна в цене, да и скромную парижскую мастерскую берегают.

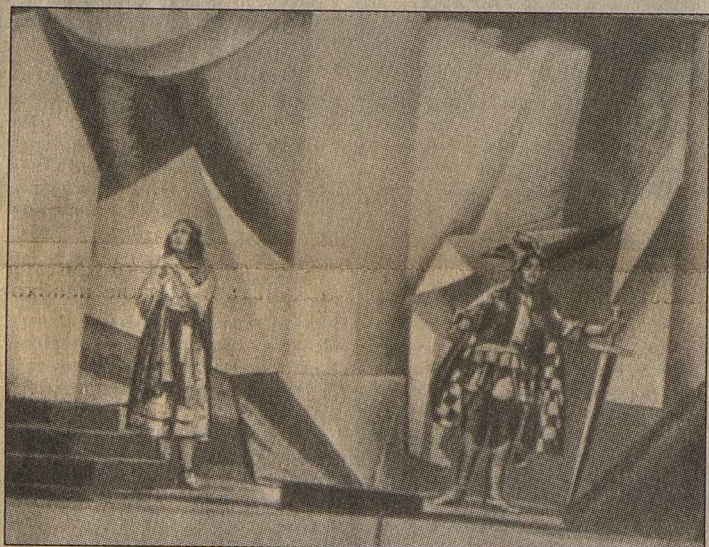
Итак, вновь Париж: выставки, труды над книжной графикой, панно, полотнами, а в последние годы еще и над витражами, гобеленами, керамикой, скульптурой, росписью «Гранд-Опера» и синагог США, Израйля, Германии. Он иллюстрирует и Библию: «Мне всегда казалось, что она - самый большой источник поэзии всех времен». Правда, и на Западе самобытному мастеру было не только до поэтических красок; так, распоряжением Геббельса все имевшиеся в Германии работы Шагала обрели на сожжение, а сам художник пред перемоловшим Европу фашизмом отчаливает в Америку. Новый Свет, помимо прибежища, обернулся смертью любимой и последовавшей за тем творческой депрессией. Лишь победа возвращает к работе и во Францию, подальше от городов, в деревни. Незадолго до смерти - наш бранный мир с легкой улыбочкой он покинет в 1998-м - Шагала навестит СССР, открыв свою выставку в «Третьяковке», передав десятки литографий в «Пушкинский», побывав в «Эрмитаже» и Русском. В Витебск, куда еще в войну через призжавшего в США Михоэлса передаст «письмо родному городу», намеренно не поедет: улицы детства разрушены и перестроены...

Так, сквозь воспоминания, символы и сны пройдет жизнь мастера - сценическая жизнь, воплощенная на подмостках ТЮЗа режиссером К. Гинкасом, актером А. Дубровским, всей постановочной частью спектакля.

СПЕКТАКЛЯ о скитальце - на сцене скитавшегося театра, открытого гонимой основательницей. «Искусство - это защита вечных ценностей в новых условиях», - сказал как-то работавший и для этого зала Р. Быков. Что ж, потому, видимо, оно и бывает гонимо. Потому, видимо, и не забываются, чтутся наши изгнанники, доносящие своим творчеством те самые вечные ценности: Шагала, Сац, тысячи им подобных.

Изгнание творчества ради - тяжкий крест, но носители оно да не обронят его пред искушением бросить...

Алексей МИНКИН.

Сцена из спектакля «Жемчужина Адальмины». 1921г.

С детства же проявились ее незаурядные увлечения театром и музыкой. В 1917-м, когда самой «тете Наташе» не исполнилось шестнадцати, она буквально напросилась на место заведующей детским отделом театрально-музыкальной секции Моссовета, и, привлекая к общей деятельности корифеев (Нежданова, Обухова, Дуров, Гельцер), организовала сотни театрализованных представлений и концертов на фабриках и улицах, в школах. Ей же в голодные и промерзшие дни гражданской пришла шальная мысль об открытии театра для ребятишек. А ведь состоялось! Были и обходы десятков инстанций, и репетиции в пальто да валенках, и первые зрители в зимней одежде 1-го детского театра Моссовета, и организованные позже по примеру Сац, разбросанные по миру иные детские труппы. А еще будут берлинские и буэнос-айресские музыкальные премьеры в качестве первой в мире женщины - оперного режиссера, управления Центральным детским театром... Третий муж - нарком торговли и... арест. Будут допросы Берии, Бутырка, сибирский этап с сыпным тифом и отошедшим параличом. Будет Рыблаг и налаживание там тюремной самодеятельности: даже по окрестным лагерям и - поскольку началась война - госпиталям выезжали. Случится и ссылка в Алма-Ату, где Сац осуществляет несколько задумок с местной музыкальной труппой и породит первый в Казахстане театр для детей и юношества. По амнистии и возвращении в Москву она же задумает и откроет единственный тогда во всем мире детский музыкальный театр - нынешний академический, ее имени. Что ж до ее первенца, современного ТЮЗа, он и рождался с трудностями, и существовал, образно говоря, не в одних лишь теплых лучах осветительной аппаратуры...

ТЕАТРАЛЬНОЕ помещение в Мамондовском (в советское время - переулок Садовских), 10, возникшее к 1911 году воображением мецената и драматурга С. Мамонтова-сына и расчистки архитектора Л. Даукина из пары одноэтажных жилых построек домовладельца Шаблыкина, укрепилось за своими меняющимися вывесками репутацию «проигрышного и прогарного». Мамонтов-младший, к чьим пьесам и делам Москва театральная уже привыкла, вскоре погиб, и в «окультированной» им недвижимо-сти обосновалось кафе футуристов - художников и поэтов - «Розовый фонарь» с матерчатм светильником при входе. Правда, в октябре 1913-го, после того как собравшаяся публике Маяковским было брошено запугивающее «Нате!», «Фонарь» притушили. Можно сказать, что будущий трибун революции также же обнялся за творчество. Хозяинка же объекта, Т. Арцыбушева, к

к 43-му перебазировали в Мамондовский. Любопытно, что в военную пору, по разрушению бомбой театра Вахтангова, «вахтанговцев» приютит нынешний ТЮЗ. И вообще: театральный этот дом познал множество видных представителей творчества. Играли (или играют) в нем Р. Быков, Н. Добронравов, И. Чурикова, Л. Ахеджакова, Т. Дегтярева, О. Остроумова, В. Качан, Н. Негода, И. Ясупович, С. Шакуров, Н. Денисов. Здесь ставил Ю. Еремин, а верховодили Л. Волков, Б. Норд, Б. Голубовский, П. Хомский, Ю. Жигульский и, наконец, Г. Яновская...

ГРОМКОМУ успеху семейно-творческой пары Яновской - Гинкаса, когда-то закончивших курс Товстоногова и отправившихся в Красноярский ТЮЗ, предшествовала своя невеселая история. По возвращении в северную столицу их режиссерскому дуэту благополучная свечка никак не удавалась: то - по давящей все 6-й статье Конституции, то - по пресловутой 5-й паспортной графе. Впрочем, работала семейная пара порознь - слишком выразительны ее «солисты». Но в Питере их «выступления» то и дело пресекали, и мало-помалу взгляды будущего звездного альянса устремились к первопрестольной.

Москва почему-то давала работать. Яновская поставила в Театре имени Моссовета «Вдовий паром», а вскоре - с на шумевшего и виденного мною «Собачьего сердца» - началась ее карьера на посту главного режиссера Московского ТЮЗа. Гинкаса же в «Моссовете» инсценировал «Гедду Габлер», а в ТЮЗе - «Записки из подполья». Это я видел и, всего скорее, тот творческий почерк мне не вполне близок. И все-таки в собственном рисунке ни Яновской, ни Гинкасу не откажешь. Касается это и одной из последних гинкасовских премьер с характерным в нашей связи названием - «Сны изгнания». О чем? Да об очередном нашем изгое - творчестве ради...

В спектакле мало слов и одна из скупых отпущенных фраз, выраженная посредством видения (или сновидения), оповещает собравшихся в зале о доле главного героя: изгнанник и скиталец. Много заигрательной (или грустной) еврейской музыки и песен, а также божьих соравившихся с полотном и оживших шагаловских символов: козы, собаки, красный петух. Здесь вообще доминирует язык аллегорий. Вот облаченные в одно пальто, сидящие на одной табуретке и вкушающие одно яблоко жених и невеста. Понятно: одно целое. Только прошла свадьба, пальто снято и смято - и, качаемое младенца, вдруг превращается в женщину. Похоже, так рождался в Витебске и сам Марк Захарович Шагала - спектакль на нем, о русском художнике